Песни прикрепившиеся к Разинскому циклу

1.

Что ни по морю по морюшку,
По синю морю по Хвалынскому
Там плывет на Соколик-корабль.
Двадцать лет корабль на якоре не стаивал,
К бережку круту не причаливал,
И он желтого песку в глаза не видывал.
Что бока-то его сведены по-туриному,
А нос да корма — они по-змеиному.
Атаман был на нем
Стенька Разин он сын.
Есаулом был Илья Мурович — душа;
На Илюшеньке кафтан белый бархатный,
На кафтане пуговки они злаченые,
А на каждой-то пуговке по лютому льву.
Напали на корабль они разбойнички,
Что и те то они татары с персианами.
Как хотят они этот корабль
Все разбить его, разгромить,
Илья Муровича во полон его взять.
Как наш Мурович по кораблику похаживает,
Свои пуговицы злаченые поглаживает,
Его пуговки злаченые разгорелися,
Его лютые-то львы разревелися,
Уж злые-то татары испугалися,
Во сине море они побросалися.

2.

Атаманушка сам по округу похаживает,
На ним бархатный кафтанчик на распашечку,
Бобровая его шапочка под пазухой,
Сафьянные сапожечки на босу ногу,

Он серебряной своей тросточкой помахивает.
Атаманушка речь возговорит, — как в трубу струбит.
Есаул речь промолвит, — как в свирель заиграт.
«Уж как-то нам будет, братцы, пройти в славну Астрахань?
Мы проедем, братцы, в славну Астрахань в глухую полночь,
Уж и купим-то мы, братцы, атаманушке забавушку — коня доброго.
А есаулу купим забавушку— ружье огненное».
И возговорит атаман Степан Тимофеевич:
«Под Казань-городок стоит белый царь.
Ни много, ни мало стоит, — семь годов;
Не взявши Казань-город хочет прочь итти:
Пойдем-ка, удалые, на подмогу к ним!
Волжский городок с вечера возьмем,
Царицын городок во глуху полночь,
Мелким городочкам не поклонимся,
Казань-то городок на белой заре,
Во самую во Микольскую во заутреню».
«Как нам, братцы, пристать к пристани?
Ежели боком пристать, — станут палить из пушек;
Ежели кормой пристать, — ловить станут,
Ежели пристать носом, — примут под руки:
На подмогу едут к нам».
. . . . . .
Вот царь Иван Васильевич шлет посланника:
«Ежели боком пристали, палить из пушек,
Ежели кормой пристали, ловить их,
Ежели ж носом пристали, принять их под руки».
И призывает он атамана:
«Скажись ты мне, кто?» —
«Слыхал ты? Степан Разин, Тимофеев, с молодцами». —
«Много ли у тебя посланников?» —
«Три ста человек». —
«Во всех я тея прощаю,
Только скажи, как Казань город взять».
. . . . . .
Подвели подкоп под Казанку под реку,
Пуд порхву казну, затеплили свечи на бочках,
И вышли сами подле стены,
В руках тоже свечи держут.

Осердился царь Иван Васильевич, —
Свечи все дошли, а бочки не рвет;
И хочет его казнить.
«Царь Иван Васильевич!
На верху свечка теплится,
Ее ветром качает».
Только переговорили, — и зачало бочку рвать:
И полетели стены, где кого,
Где рука, где татарска голова.
. . . . . .
Приезжает царь Иван Васильевич в Москву,
Сделал пир, съехались господа к ему.
Где хвалится конями, где хвалится женами хорошими,
Кто хвалится крестьянами богатыми.
. . . . . .

3.

Не от пламечка ковыл-трава загоралася,
Горела она, разгоралася.
Подгорели у яснова сокола желты ноги,
Подпалило его крылья быстрые,
Крылья быстрые, златы перышки,
Не от ветричку белые палаты зашаталися,
Не от вихоря палаты отворялися.
Как идет-то во полатушки вор-изменник.
Во полатах-то расставлены столы дубовые,
На столах-то разостланы сукна дорогие,
На сукнышках стоят чернильницы золотые,
Во чернильницах-то — перья лебедины.
За столами сидят три царя, три государя.
Стал-то белый царь добра молодца допрашивать:
«Ты откуда, добрый молодец, скажися:
Ты не с Дону ли казак, казачий сын,
Али ты из матушки каменной Москвы?» —
«Я не с Дону казак, не казачий сын,
Не из матушки я каменной Москвы;
Я удалый добрый молодец с Волги-реки,

Атаманов я сын — Стеньки Разина.
Заутра-то будет сам батюшко,
Вы умейте его встретить, честь воздать».
Присудили цари его под суд отдать,
Под суд отдать, кнутом отбить.

4.

«Ой не вечòр, то ли, не вечор
«Мне малы̀м малò спалось,
«Ой мне малым мало спалось (2)
«Во сне виделося: (2)
«Ой будто конь мой вороной
«Разыгрался подо мной,
«Ой разыгрался, расплясался (2)
«Под удалым, добрым молодцом. (2)
«Ой налетали ветры да буйны
«Со восточной стороны,
«Ой сорвали-то черну шапку (2)
«С моей буйной головы. (2)
«Ой отрывался лук звончатый
«Со могучего плеча;
«Ой рассыпались каленые стрелы (2)
«Как по матушке сырой земле. (2)
«Ой да и кто бы мне этот да сон
«Разгадал его бы он?»
«Ой есаулушка был догадливый, (2)
«Есаул тот сон все рассуживал: (2)
«Степанушка ты наш Тимофеевич,
«По прозванью Разин сын!
«Сопадала у тебя с головы черна шапка— (2)
«Пропадет твоя буйна головушка; (2)
«Отрывался, ой ли, лук звончатый —
«|То мне, есаулушке, ой-ли, быть повешену;
«Ой, рассыпались каленые стрелы —
«То казаки наши, ой-ли, все разбойнички,
«Они во побег пойдут».

5.

Как по морю, морю синему,
По тому морю, по Каспийскому,
Завиднелась в море легка лодочка,
Не простая лодка, разъездна-косна;
Хорошохонько лодка изукрашена,
Бурсым жемчугом лодка изунизана,
Молодцами лодка изусажена.
На корме-то сидел есаул с рулем,
А в носу сидел атаман с ружьем,
Посреди лодки — золота казна,
На златой казне лежит цветно платьице,
На цветном платье сидит красна девица.
Есаулушки она — сестра родная,
Атаманушке — полюбовница.
Как сидит она, слезно плачет;
Атаманушка плакать уговаривал:
«Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Мы поедем с тобой в твою землюшку,
В твою землюшку, к отцу, к матери».

6.

Как по ранней, ранней утренней заре,
Вниз по матушке по Волге по реке
Выплывает быстра лодочка легка,
Быстра лодочка легка о шести-то о гребцах,
Что в этой легкой лодочке сидит,
В ней сидит-то принаряженный купец,
Он плывет-то в славный город Астрахань,
В славный город Астрахань, по купеческую дочь.
Ох, красавица купеческая дочь!
Выходи-ко на высокое крыльцо,
Ты встречай-ко астраханского купца,
Стеньку Разина, удала молодца!
Ты сади-ко за набраные столы,
Меду-патоки с поклоном подноси,
Ты целуй-ко Стеньку в молодецкие уста,

Уж да это тебя Стенька наградит,
Шелку-бархату на платье подарит.

7.

Уж загорелася в чистом поле ковыл-трава,
Добралася до белого до камешка,
Что на камешке там сидит млад ясен сокол, —
Подпалил-то свои крылушки быстрые,
Обжег-то сокол ноженьки скорые,
Прилетало-то к соколу стадо воронов,
Садились-то вороны вокруг сокола;
Что в глаза-то ясну соколу насмехалися,
Называли-то ясного сокола вороною:
«Ох, ворона ты, ворона, да подгуленая».
Возговорит в кручине млад ясен сокол:
«Уж как пройдет беда моя да со кручиною,
Отращу-то я свои крылья, крылья быстрые,
Заживлю я свои ноги скорые,
Уж взовьюся я, ясен сокол, выше облака.
Опущуся я в ваше стадо быстрой стрелой,
Перебью я вас, черных воронов, до единого».
Когда был Стенька Разин во неволюшке,
Воскричал-то он, возопил громким голосом:
«Ой вы гой еси, мои друзья, братцы, товарищи,
Не покиньте вы меня во неволе, добра молодца.
Уж пригожусь-то я вам, братцы, на время;
Заменю-то я вам смерть животом моим,
Животом моим да вольною волею».